

В. А. БАТАЛИН (АРХИМАНДРИТ о. ВСЕВОЛОД) О ВЛАДИМИРЕ ВАСИЛЬЕВИЧЕ ПЕРЕДОЛЬСКОМ

(Публикация Н. Г. Князевой)

Передо мною фотография благообразного старика в духовном облачении, окруженного, видимо, надлежащими его сану предметами культа. Сухие, сморщенные пальцы придерживают страницы богослужбной книги. Голова повернута ко мне, лицо сурово, губы сжаты.

Это архимандрит о. Всеволод, в миру Владимир Алексеевич Баталин, хороший знакомый, скорее, друг моего мужа, Моисея Семеновича Лесмана, ленинградского музыканта, известного библиофила.¹ Отец Всеволод, для нас Владимир Алексеевич, поражал меня, далекую, как все наше безбожное советское поколение, от официальной религии (хотя прадед мой был служителем православной церкви, и фотография его стоит у меня на бюро), своей удивительной мягкостью, добротой и терпимостью. Бывая в нашем доме, он никогда не говорил о делах церковных, в нем не было никакой «елейности», хотя, мы знали, был он человеком глубоко верующим. Беседы В. А. Баталина и М. С. Лесмана всегда касались литературы, особенно поэзии. И в этом Владимир Алексеевич проявлял себя большим знатоком и ценителем. Блок, Ахматова, Клюев — имена эти были постоянно у него на устах. Мне кажется, что Владимир Алексеевич знал наизусть все стихи серебряного века, ими была уснащена его устная и письменная речь. Такой постоянный лирико-филологический настрой говорил о полученном скорее светском, нежели церковном образовании. И действительно, как о том свидетельствует приведенная ниже биографическая справка,² Владимир

¹ *Лесман Моисей Семенович* (1902—1985) — пианист-концертмейстер; собиратель книг и рукописей (русская литература XVIII—начала XX вв.). О нем см.: Книги и рукописи в собрании М. С. Лесмана: Аннотированный каталог. Публикации. М., 1989; *Князева Н.* 1) *Рядом с веком* // *Невский библиофил*. СПб., 1998. Вып. 3. С. 84—98; 2) *«Звук шагов, тех, которых нету...»*. Моисей Семенович Лесман, человек и библиофил // *Библиофилы России*. М., 2006. Т. 3. С. 180—219.

² *Баталин Владимир Алексеевич* (архимандрит о. Всеволод, 1903—1978) родился в г. Сургуте Тюменской обл. (быв. Тобольской губернии) в семье крестьянина-бедняка. После окончания двухклассного приходского училища учился в Тобольской духовной семинарии, затем был учителем начальной школы. В 1924 г. окончил рабфак в г. Омске,

Алексеевич закончил славянское отделение историко-филологического факультета Ленинградского университета. Это было в 1930 г., а в 1952 г. он «поступил послушником в Псково-Печерский монастырь». В источнике, из которого взяты эти сведения, видимо, не отражено то, что в сентябре 1933 г. (об этом пишет сам Владимир Алексеевич в своих воспоминаниях) он был арестован и отправлен в один из дальневосточных лагерей (Дальлаг), где и отсидел 16 лет.

В. А. Баталин познакомился с М. С. Лесманом в конце 50-х—начале 60-х гг., и дружба их продолжалась до самой смерти Владимира Алексеевича в 1978 г.

В годы своего учения в университете Владимир Алексеевич часто встречался с поэтом Н. Клюевым. Узнав об этом, М. С. Лесман попросил его написать все, что он помнит об этих встречах, как всегда он это делал, уговаривая своих знакомых записать все, что они помнили о встречах с людьми замечательными или просто интересными. Так в собрании появились воспоминания о Н. Клюеве, О. Манделъштаме, Д. Хармсе и др. (ныне РО ИРЛИ, ф. 840, собр. М. С. Лесмана). Написал Владимир Алексеевич, также по просьбе Моисея Семеновича, и о своем университетском учителе, профессоре антропологии, замечательном собирателе и создателе (вместе со своим отцом) частного музея русских древностей в Новгороде Владимире Васильевиче Передольском.³ Все герои воспоминаний В. А. Баталина разделили участь миллионов своих замученных соотечественников.

три года учился в Пермском университете на медицинском факультете, а в 1930 г. окончил славянское отделение историко-филологического факультета Ленинградского университета и находился на преподавательской работе. В 1952 г. поступил послушником в Псково-Печерский монастырь, в том же году был рукоположен во иеродиакона, в 1953 г. — во иеромонаха. В 1955—1956 гг. был настоятелем Троицкого собора в Пскове, затем — в клире Ставропольской епархии (с 1959 по 1963 г. — секретарем епархиального управления). С 1964 г. был настоятелем кладбищенского храма в г. Астрахани. С 1967 г. — секретарем Челябинского епархиального управления и благочинным храмов епархии. С января 1972 г. вышел за штат по болезни и проживал в Ялте. Архимандрит Всеволод скончался в день Пасхи — 30 апреля 1978 г. Он принимал участие в богослужении Пасхальной ночи, христосовался с прихожанами, а дома поздним вечером в первый день Пасхальной недели отошел ко Господу. (Сведения эти предоставлены С. С. Бычковым, за что выражаю ему сердечную признательность.)

³ *Передольский Владимир Васильевич* (1869—1936) — антрополог и этнограф. Родился в семье известного новгородского краеведа, основателя НОЛД (Новгородское общество любителей древностей) и Музея древностей В. С. Передольского. По окончании отделения естественных наук физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета в 1896 г. продолжил образование по кафедрам анатомии и антропологии с этнографией и географией. Преподавал в С.-Петербургском университете. До революции состоял в должности директора гимназии Русского собрания. С 1918 г. — профессор кафедры антропологии и этнографии эстонского сектора Петроградского коммунистического университета. В 1921 г. Московским государственным ученым советом утвержден в звании профессора антропологии Новгородского института Отдела народного образования. Издал свыше 40 научных работ на русском, французском и немецком языках, в том числе книги: «На заре человечества», «Инородцы Сибири», «Антропология, наука о человеке», «По Енисею». Неоднократно подвергался репрессиям и арестам. В 1934 г. арестован как «враг народа» и выслан в Дальлаг, где и скончался. (Статья обнаружена в 2005 г. в архиве библиотеки университета г. Марбурга. Автор — А. Передольская.)

На моей памяти Владимир Алексеевич Баталин никогда не имел своего жилья, служил в разных приходах страны, был очень тяжело болен (астма), но в своих письмах к М. С. Лесману не жаловался на невзгоды и благодарил Бога за подаренные ему дни. В одном из писем (1976 г., Ялта) есть такие строчки:

«...О, конечно же, надо писать. Ведь ни о чем, действительно, не рассказано и не написано, а уже „Горизонт в огне и ясен нестерпимо!“⁴ и там — „закат, закат“. Я пс-хорошему взволновался, дорогой Моисей Семенович, получив Ваше доброе письмо, даже ночью не спалось: „Вобла воображения“⁵ и воспоминаний теснилась в сердце и в голове. И сегодня встал с решимостью: спешить, спешить что-то начать и сделать...». Далее Владимир Алексеевич рассказывает эпизод, который запечатлелся в его памяти на всю жизнь. Однажды в колымском лагере зимней ночью в землянке, заметенной снегом, обреченный, казалось, на неминуемую смерть, он, подметая пол, нашел листок из какого-то журнала с отрывками из поэмы А. Ахматовой «Реквием»... О многом собирался он написать. Но жить Владимиру Алексеевичу оставалось уже недолго. Он скончался в Пасхальную ночь 1978 г. от приступа сердечной астмы.

Возможно, что некоторые даты и детали жизни В. В. Передольского в изложении В. А. Баталина не всегда совпадают с официальными документами, которые сейчас появляются в разных информационных источниках, ведь воспоминания написаны много лет спустя после описываемых событий, но, в целом, они добавляют живые штрихи к картине истории России тех лет.

⁴ Неполная строка из «Стихов о Прекрасной Даме» А. Блока: «Предчувствую Тебя. Годы проходят мимо,— / Все в облике одном предчувствую Тебя. / Весь горизонт в огне — и ясен нестерпимо, / И молча жду,— тоскуя и любя» (1901).

⁵ «...и тихо барахтается в тине сердца глупая вобла воображения...» (В. Маяковский. Облако в штанах. 1915).

* *
*

Писать-вспоминать о моем дорогом учителе, дарившем меня даже своим доверием и дружбой, — для меня большая радость.

Впервые я увидел его на кафедре в 9-й аудитории Ленинградского университета, где он читал факультативный курс «Антропология» в 1927/28 учебном году. Седой высокий старик (ему было тогда 63 года), в поддевке, сапогах, красивая седая борода, по-крестьянски подстриженные волосы. Так же ходили тогда А.А. Ухтомский (впоследствии — академик),¹ поэт Н.А. Клюев.² Более утонченно, но так же с длинной бородой и усами и длинными волосами «носили себя» проф. Кареев (историк),³ акад. А.П. Карпинский⁴ и ряд других. Но помню, что у Н. Клюева — при его непосредственной «крестьянскости» — было это, в значительной степени, позой, а у природного дворянина Передольского (по его словам — потомка древнего новгородского воеводы «Передоли») этот внешний вид простого (хотя уже для воспоминаемых лет и анахронизма) русского человека был очень органичен.

Лекции его привлекали глубокой самостоятельностью суждений, своеобразным колоритом несколько старинной русской речи. Множество живых примеров — случаев из его собственной, богатой впечатлениями и приключениями жизни исследователя-путешественника — делали его лекции очень интересными. Посещаемость их могла бы сравниться, по-моему, только с колоссальным интересом к лекциям проф. Е.Ф. Тарле⁵ (в той же 9-й — самой обширной аудитории университета). Но читать лекции ему пришлось, к сожалению, кажется, только 2 учебных года. Уже в 1929—1930 гг. курс антропологии был исключен из учебных планов университета. Сам профессор остался почти безработным, имея только несколько недельных уроков естествознания в одной из средних школ Васильевского острова. Вот тогда-то, в 1930 году, я и познакомился близко с Владимиром Васильевичем. Он жил на 16-й линии Васильевского острова (кажется, в доме № 43?), в университетском доме, в маленькой комнате нижнего этажа. Вверху над ним жил А.А. Ухтомский, и — помню — Владимир Васильевич частенько ворчал, жалуясь на верхнего жильца: «Опять, видно, у Ал. Ал. сегодня память кому-то из родителей: всю ночь бил земные поклоны, а ведь он тяжелый дядя — мой потолок весь содрогается, когда он

бьет поклоны». А. А. Ухтомский был «старовер» и «правил» свой быт по обычаям «древлего благочестия». Но при встречах оба профессора дружески друг друга обнимали, лобызались по древнему обычаю и ласково друг над другом подтрунивали:

Передольский: «Опять, отче, поклоны ночью бил?»

Ухтомский: «А ты, чаю, своего обезьяньего человека всю ночь придумывал? Помешал? А?». Владимир Васильевич в это время писал популярную книгу для издательства П. Сойкина⁶ «Первобытный человек».

Комната Владимира Васильевича была, собственно, беспорядочным музеем, где древние иконы соседствовали с глиняными идолами, классическими скульптурами, крестьянскими зипунами, древними полотнами и пр. Хозяин — крупный костистый человек — непостижимо «лавировал» в этом хаосе, который нарастал с каждым четвергом (только по четвергам тогда «работал» толкучий рынок в Чубаровом переулке,⁷ где неперенным «искателем жемчуга» был проф. Передольский). На Чубаровом рынке Владимир Васильевич оставлял обычно почти всю маленькую зарплату, а сам возвращался счастливый, возбужденный каким-либо, по его словам, «поразительным» приобретением. Так однажды он принес потускневшее от времени, прорванное в нескольких местах живописное полотно, натянутое на подрамник. Не то — икона, не то — светская картина. Профессор, зорко вглядываясь в полотно, заранее предсказал: «Боюсь подумать — итальянский ренессанс!?! Чтo-нибудь из Великих Стариков...». И какова же была его радость, когда через неделю он, сияя, нам сообщил: «Корреджио...⁸ Подлинный. Сегодня был на экспертизе у Вальдгауэра⁹ в Эрмитаже. Все убеждены». На нас смотрела со стены — промытая, «подлатанная» прекрасная Мадонна... Корреджио. Где-то она сейчас?

Хранились в этой комнате на 16-й линии и русские древности: грамота именная какому-то новгородскому воеводе (не помню имени) царя Феодора с подлинной царской подвесной печатью и множество новгородских «рублей» (кусков «рубленного» на доли серебра), и новгородских гривен, и прочего всякого добра. Тут же старинный ларец из черного лака, в котором бережно хранились подвечная фата, засохший букет белых роз и венчальные свечи рано умершей матери профессора — Александры (отчества ее не помню); серебряные кувшин и поднос (александровского времени) — также предвенчальные сувениры его покойной матери.

Наиболее ценные (и исторически и по семейным воспоминаниям) вещи из новгородского личного музея Передольских профессор в 30-х гг. перевез уже в эту комнатку, так как предвидел неизбежность отчуждения всего новгородского музея в государственную собственность.

Музей — говорил профессор — основан личными трудами и средствами его отца — адвоката Василия Степановича Передольского, убежденного прогрессивного защитника на нескольких политических процессах в Петербурге 70—80 гг., сосланного «по месту жительства» в родной Новгород, где он и закончил свою жизнь уже после 1905 года, продолжая служить по юридическому ведомству, и где он на свои скромные средства начал создавать музей новгородских древностей,

пополняя их результатами на свои личные средства организованных первых археологических раскопок на территории Великого Новгорода. Когда подросток единственный сын Владимир, окончивший курс С.-Петербургского университета и совершенствовавшийся по кафедре проф. Лесгафта,¹⁰ то музей стал быстрее пополняться трудами обоих Передольских. Владимир Васильевич в ранней молодости много путешествовал в поисках антропологических находок главным образом по р. Енисею. В одну из поездок он посетил художника Сурикова,¹¹ жившего тогда в родном Красноярске и писавшего «Покорение Сибири». Молодой ученый понравился Сурикову, и тот тут же упросил его пробыть у него с неделку, чтобы заново «под него» переписать одного из видных персонажей картины. И в 30-х годах, когда мы с Владимиром Васильевичем частенько бывали в Русском музее, он нередко останавливался со своими «экскурсантами» (обычно это были мы, немногие студенты университета и его ученики-школьники) перед картиной и спрашивал: «Здесь есть ваш знакомый. Угадайте!» Мы, помню, без труда узнавали в молодом красивом рыжеватом ушкуйнике,¹² вполоборота засмотревшемся на кишмя-кишащую массу остяков-аборигенов — нашего, тогда уже седого, в морщинах, но все такого же отважного новгородца Владимира «Передолю». «Мне бы с ним, с Передольским и с другими, неподдельно русскими, а я с ними.* Противно», — так писал о нем В. В. Розанов в «Уединенном».¹³

К моменту революции 1917 г. музей уже переполнен был буквально различными униками — главным образом, русско-историческими. В первые же годы Октябрьской революции городские власти Новгорода хотели, пользуясь персональным отсутствием хозяина музея — В. В. Передольского, жившего тогда в Петербурге, механически его экспроприировать без ведома владельца. Владимир Васильевич был по этому поводу в Смольном у В. И. Ленина и получил за его подписью охранную грамоту для музея, ограждавшую его неприкосновенность как созданного исключительно личными трудами и энергией двух русских интеллигентов-тружеников. Владимир Васильевич и имел в виду — по завершении им самим трудоемких работ по систематизации материалов, поступивших в послереволюционные годы, и влив туда и то, что им было приобретено и хранилось в ленинградской комнатке, — все это передать «по-хорошему» в вечное владение Великого Новгорода. Но события и люди опередили его благородные намерения: в 1933 году Владимир Васильевич (в возрасте, близком к 70-ти) был арестован, водворен в Дальлаг на Аскольдов остров, где он, вероятно, и скончался, выполняя обязанности — как он писал своей крестной — тетке Кашевской Наталии Константиновне, жившей тогда еще в Ленинграде — «сторожа оленьего поголовья». Мне совершенно не известно, что стало с бесценными коллекциями новгородского личного музея Передольских. А равно ничего не знаю и о судьбе уже основательной и многоценной коллекции, собранной профессором в комнатке на Васильевском острове. Могу свидетельствовать только одно, что

* Очевидно, имел в виду автор Мережковского и К° (коммент. В. А. Баталина).

в сентябре 1933 — за несколько дней до моего неожиданного ареста — как-то вечером Владимир Васильевич зашел ко мне в мою комнату в Зоологическом пер., 3, кв. 19 и, взволнованный, побледневший, сказал мне, что вчера его (уже в который раз!) вызывали на Шпалерную,¹⁴ требуют немедленно передать его музей в городской фонд Новгорода (ленинскую охранную грамоту назвали «липой, которой надо ... подтереть»); и инкриминируют мне, — сказал профессор, — какую-то несусветную политическую чепуху в виде «буржуазно-профессорского заговора», что я плюнул только и слушать не стал». Он просил меня — если я не боюсь за себя — принять на сохранение («а если я умру там, то это Вам — в мою память», — сказал профессор) заветные сувениры его покойной матери (о них см. выше) и драгоценнейший, но, к сожалению, им еще даже и не разобранный аракчеевский архив из Грузии.¹⁵ Помню, тут же профессор, улыбаясь, прибавил: «Вот Вам случай, Владимир Алексеевич, покопаться в нем и написать хороший исторический роман об Аракчееве...¹⁶ Вы сами увидите, какой это был „ёмкий“, интересный человек, совершенно искаженный тенденциозными историками». На другой вечер он привез ко мне все вышеуказанное, посидел у меня с часок (он очень любил крепкий чай, и мы — друзья его — всегда ему старались чайком угодить), и мы расстались навсегда... Прощаясь (конечно, оба мы и думать не могли, что навсегда), он вынул из бокового кармана своей поддевки массивные золотые часы «луковицей» и, передавая мне, сказал: «А это Вам уже сейчас на память. Это часы моего деда, павловских времен». Я, помню, крайне смутился, не умея выразить свою признательность дорогому человеку... Так и проводил его, не находя нужных слов, через темное «ущелье» нашего двойного двора до трамвая. Вскоре я был арестован. Длительно сидя под следствием, я, не имея почти никакого личного имущества (кроме порядочной библиотеки — дара бывшей хозяйки нашей коммунальной квартиры, жены покойного известного зоолога В. Шимкевича),¹⁷ очень горевал и беспокоился о ценностях, переданных мне Владимиром Васильевичем на сохранение... Года через два только, будучи в ИТЛ¹⁸ на Дальнем Востоке, я вдруг получаю письмо от милейшей старушки — крестной и тетки Владимира Васильевича Наталии Константиновны Кашевской. В ее письме было и письмо, написанное характерным крупным почерком Владимира Васильевича. В нем он писал своей тетке: «Сходи, Крестная, на бывшую квартиру Владимира Алексеевича (мою) и узнай, где теперь Владимир Алексеевич и не известна ли им (его бывшим соседям) судьба моих вещей, отданных на сохранение Владимиру Алексеевичу. Если эти вещи сохранились — попроси их и перевези к себе. А мне обязательно напиши адрес бедного Владимира Алексеевича — милейшего и честнейшего человека...». Дальше он писал ей о своей новой карьере «сторожа оленьего стада». Я, помню, сразу же ответил Наталье Константиновне, что никто мне — несмотря на мои многократные запросы — не отвечает с бывшей квартиры о том, что стало с моей библиотекой и вещами и что вещи Владимира Васильевича меня особенно беспокоят. Тут же я написал и самому Владимиру Васильевичу, сколько можно утешая его и себя надеждами, что все это пройдет, «как сон, как утренний

туман», и мы непременно еще увидимся. Но прошли еще многие годы. Я оставался в лагере уже на Колыме, а Владимир Васильевич, вероятно, недолге и скончался там на Аскольдовом острове. А может быть, он и освободился и умер где-нибудь на «Большой земле» (так мы, колымчане и дальстроевцы, величали нашу оставленную Россию). Как бы мне хотелось об этом знать!

В 1949 году как-то, просматривая, кажется, «Литературную газету» (а может быть, и другую центральную газету), я с волнением прочел: «Публичная библиотека в г. Ленинграде приобрела редчайший уникум — грузинский архив Аракчеева, о существовании которого знали историки, но не знали места его нахождения». Весь ли был тогда приобретен этот архив (у меня хранилось 10 объемистых фолиантов в кожаных переплетах) или только часть его? Кто его представил в Публичную библиотеку? Какой он путь проделал и через кого? — от моей комнаты до библиотеки за 16 лет (с 1933 по 1949 г.)?¹⁹ Все это очень интересно было бы знать. А что стало с семейными реликвиями Передольских? А где «павловские» часы из семейной коллекции этого исторического рода Передольских? Все это интересно. Но обо всем этом мне уже никогда и не узнать, так как и сам я сейчас в том возрасте, в каком я встретил в 1927 году дорогого Владимира Васильевича Передольского. Вечная ему память и Царство Небесное!

Для внимания близких родственников Владимира Васильевича должен сказать, что жил он в те годы моего с ним знакомства (1927—1933) очень одиноко и неуютно. Питался скудно: жареная треска из ближайшего продмага, отваренный картофель, крепкий чай. Это — после целодневных хождений сначала на уроки в школу, затем (очень часто) в музей со своими учениками, а потом и в «поисках жемчуга» — музейных уникумов, тогда разбросанных по рынкам и захолустным конурам бывших швейцаров, лакеев вельможных особняков и квартир. Только по субботам, помню, он, вернувшийся из бани, раскрасневшийся, успокоившийся от недельных трудов, «принимал» нас в своей «музей-квартире»: Севу и Костю — старшеклассников своей школы (откуда-то я позднее узнал, что оба юноши погибли в лагерях, взятые по «одному делу» с Передольским. А откуда узнал — не помню), низкорослую девушку Леночку (тоже бывшую ученицу его по средней школе, а тогда уже студентку биофака ЛГУ и поэтому восторженную поклонницу двух кумиров одновременно: прежнего — Владимира Васильевича и нового — А. А. Ухтомского), студентку ЛГУ ЯМФАКа²⁰ — Клавдию Васильевну Коновалову (впоследствии известную общественную деятельницу и организатора литературной жизни на Урале — К. В. Рождественскую (по мужу), теперь уже покойную), и меня, ее коллегу и друга. По субботам бывали «пиршества». Я посылался профессором в ближайший продмаг «закупить» провизию: глиняную амфору (со строгими наказами: «не разбить!») наполнить кисловатым разливным кагором, купить фунта три (тогда еще не привыкли к «кило») колбасы «собачья радость» (без жиринки, но очень сочная и — тогда — вкусная-превкусная), жареных миног, а для дам — счетом — пирожных. Все это с большим энтузиазмом поглощалось под

интереснейшие рассказы-воспоминания милого нашего Владимира Васильевича. Расходились обычно часа в два ночи и потом ждали свода мостов, обсуждая слышанное и виденное (из новых приобретений с Чубарова рынка). Клавдия всегда настойчиво требовала: «Ребята, кому-то из нас надо научиться стенографии и все это, все записать, что он рассказывает и что помнит... Ведь этого нигде не прочтем... А сам он! Ведь это же замечательный, неповторимый... Как нам не стыдно просто сидеть и слушать его, ничего не закрепив в памяти!». Тогда мне казалось, что все, что я слышу и вижу у него, я навсегда и запомню. Увы! Почти все это стерлось временем. Запомнилось общее: красивый седой старик. Гордая независимость в суждениях. Благородство и щепетильная честность. Кстати, вспомнил: за вышеназванную картину Корреджио Владимир Васильевич дал на Чубаровом рынке молочнице, покрывавшей картиной молоко, 70 коп. Узнав вскоре, что это — шедевр, он несколько четвергов подряд искал на Чубаровом эту женщину, чтобы отдать ей хотя бы свою месячную зарплату, но так и не встретил ее там и очень этим огорчился. А за мраморный бюст работы Витали²¹ он, удостоверившись в подлинности его автора, снова ходил на квартиру бедной вдовы-чиновницы, чтобы «доплатить» ей — по его мнению — причитающееся.

Из интимных бесед с ним я помню только единственную. Весной (это было, вероятно, уже в 1933, последнем нашем году) я зашел к нему в надежде встретить там «мою девушку» Клавдию. Но ее там не оказалось. Владимир Васильевич был как-то необычно «лирически» настроен. Глядя на цветущую сирень через распахнутое настезь окно, он, зорко ко мне приглядевшись, сказал: «Хорошо Вам, Владимир Алексеевич. Молодость — все впереди! Дорожите этим — не вернется. Вы, я думаю, любите Клавушку, а она Вас. Берегите любовь». И, подумав, сказал: «А я вот не сберег... В Новгороде у меня жена, дети. А я вот один, бобылем. Невеселое это дело...». И, как бы встряхнувшись от невеселых дум, сказал: «Сирень-то нынче разбушевалась. Так, бывало, у нас в Новгороде — перед моим окном».

23.XI.1966. г. Астрахань

¹ Ухтомский Алексей Алексеевич (1875—1942) — физиолог, академик АН СССР (1935). Умер в блокадном Ленинграде.

² Клюев Николай Алексеевич (1884—1937) — русский поэт. Арестован в 1934 г. Расстрелян в 1937 г. по приговору «тройки» НКВД Новосибирской обл.

³ Кареев Николай Иванович (1850—1931) — историк, член-корр. Российской АН, член-корр. Петербургской АН, почетный член АН СССР (1929). Автор трудов по истории Франции 2-й половины XVIII в., истории Великой Французской революции, новой истории Западной Европы.

⁴ Карпинский Александр Петрович (1846—1936) — геолог, основатель русской геологической научной школы; академик АН СССР; первый выборный президент РАН (1917—1925); президент АН СССР (с 1925 г.).

⁵ Тарле Евгений Викторович (1875—1955) — историк, академик АН СССР (1927). Основные труды по истории Франции, Великой Французской революции; о наполеоновских войнах.

⁶ *Сойкин Петр Петрович* (1862—1938) — русский издатель, в том числе журналов: «Природа и люди», «Мир приключений», «Знание для всех» и др.; собраний сочинений писателей. Основатель петербургского издательства (1885—1930), в котором вышла кн. В. В. Передольского «Наука о человеке» (Л., 1925).

⁷ Чубаров переулочек — ныне Транспортный переулочек в Петербурге.

⁸ *Корреджио, Корреджо* (Correggio, собственно Allegri) *Антонио* (ок. 1489—1534) — итальянский живописец, представитель Высокого Возрождения.

⁹ *Вальдгауэр Оскар Фердинандович* (1883—1935) — историк античного искусства. С 1903 г. работал в Эрмитаже.

¹⁰ *Лесафт Петр Францевич* (1837—1909) — русский педагог, анатом и врач. Основатель научной системы физического воспитания и врачебно-педагогического контроля в физической культуре в России.

¹¹ *Суриков Василий Иванович* (1848—1916) — русский живописец, автор исторических полотен «Утро стрелецкой казни», «Меншиков в Березове», «Боярыня Морозова», «Покорение Сибири Ермаком».

¹² Ушкуйник (от др.-рус. «ушкуй») — речное судно с парусом и веслами) — в Новгородской земле XIV—XV вв. участник вооруженной дружины, совершающей набеги и промысляющей на ушкуях (по В. Далю — «речной разбойник»).

¹³ Цитируемая по памяти, искаженная цитата из В. В. Розанова: «... Безумие моя прежняя жизнь; недаром „друг“ так сопротивлялась сближению с декадентами. Пустые люди, без значения; ненужные России. „Слава литераторов да веет над нами“. Пусть некоторые и талантливые, да это все равно. Все равно с точки зрения Костромы, Ельца, конкретного, жизненного. Мое дело было быть с Передольским, Титовым, Максимовым («Куль хлеба»): вот люди, вот русские. А „стишки“ пройдут, даже раньше, чем истлеет бумага. (14 декабря 1911 г.)» (цит. по: *Розанов В. В. Уединенное. Избранное. Германия*. 1970. С. 77—80. «Друг» — вторая жена В. В. Розанова — Варвара Дмитриевна Бутягина, урожд. Руднева).

¹⁴ На ул. Шпалерной, д. 25, в Ленинграде находился Дом предварительного заключения ВЧК НКВД, где содержались политические заключенные до вынесения им приговора.

¹⁵ Грузино — имение графа Аракчеева в Новгородской губернии.

¹⁶ *Аракчеев Алексей Андреевич* (1769—1834) — граф, русский гос. деятель. С 1808 г. военный министр. Организатор военных поселений.

¹⁷ *Шимкевич Владимир Михайлович* (1858—1923) — русский зоолог, академик РАН (1920).

¹⁸ ИТЛ — исправительно-трудовой лагерь.

¹⁹ Об одном из «странствий» части архива Аракчеева см. беллетризованный рассказ Ю. Алянского «Злополучный архив» в его кн. «„А. Б. В.“ меняет маску» (М.: Книга, 1980. С. 29—55).

²⁰ ЯМФАК ЛГУ — факультет языка и материальной культуры при Ленинградском государственном университете. Упразднен в 1930 г.

²¹ *Витали Иван Петрович* (1794—1855) — русский скульптор, представитель классицизма. Автор, в частности, одного из скульптурных портретов А. С. Пушкина.